

Пуская корни в тишине

В пятнадцатый день первого месяца по лунному календарю наступал Праздник фонарей. Жители деревни Юньси поднялись ни свет ни заря, каждый с корзинами и сумками в руках. На лицах у всех сияла радость — не только потому, что можно было отправиться в город любоваться фонарями и окунуться в праздничную суету, но и потому, что при таком скоплении народа всё, что они принесут, наверняка удастся выгодно продать.

В маленьком дворике семьи Лю лампы зажгли ещё затемно. Жуань Сюлянь и её старшая невестка несли по корзине с куриными и утиными яйцами, а Лю Сяомэй взяла с собой вышивку, над которой трудилась последние дни. Все трое собрались и вместе вышли из дома.

— Ся гэр всё ещё спит? — спросила Жуань Сюлянь у старшего сына, державшего на руках ребёнка.

Лю Мэн кивнул:

— Вчера он так радовался, что поедет смотреть фонари, что засиделся допоздна.

— Пусть поспит. Хорошенько укутай его в одеяло, в повозке холодно, не дай ему простудиться.

— Хорошо.

Сегодня ему не нужно было идти на работу. Помещик Чжан любезно одолжил им семейную воловью повозку, чтобы они могли всей семьёй поехать в город на праздник.

Лю Мэн был глубоко благодарен и решил работать ещё усерднее. В самые тяжёлые времена именно хозяин Чжан дал ему работу, а когда второй брат женился, его семья тоже помогла с приданым. Лю Мэн прекрасно понимал, что такую доброту нужно возвращать.

Перед уходом Жуань Сюлянь напомнила второму сыну, которому всё ещё нужно было идти на работу:

— Ху-цзы, не забудь сварить лекарство для Чжу гэра перед уходом. В кадке ещё есть белый рис — приготовь своей жене кашу.

— Понял, мама.

Лю Ху проводил взглядом, как семья уселась в повозку и уехала, а затем вернулся во двор.

В западной комнате лоб Сун Тинчжу был покрыт холодным потом. Услышав скрип двери, он резко открыл глаза, вырвавшись из кошмара.

— Жена, что случилось?

Лю Ху закрыл дверь и поспешно подошёл к кровати. Увидев, что Сун Тинчжу весь в поту, даже волосы намокли, а взгляд потускнел, он тревожно нахмурился:

— Жена, не пугай меня!

Руки и ноги Сун Тинчжу были ледяными. Он сидел в оцепенении, пока мужчина держал его и растирал его ладони и ступни. Лишь спустя долгое время он пришёл в себя, и взгляд его постепенно прояснился.

— Не волнуйся, со мной всё в порядке, — он слабо улыбнулся, голос был почти неслышен. — Просто кошмар... теперь уже всё прошло.

Лю Ху всё ещё хмурился, не отпуская его, пока тело полностью не согрелось, и лишь затем осторожно уложил обратно на кровать.

— Сегодня я не пойду на работу, — глухо сказал он.

Сун Тинчжу хотел возразить, но, встретившись с полными тревоги глазами, не смог отказать.

— Хорошо, — тихо согласился он с улыбкой.

Лицо Лю Ху заметно расслабилось:

— Я принесу воды, вытру с тебя пот.

— Мм.

Опираясь на грудь мужчины, Сун Тинчжу позволил осторожно обтереть себя, переоделся в чистую одежду и, наконец, выглядел немного бодрее.

Увидев это, Лю Ху заметно успокоился.

После того как он проследил, чтобы Сун Тинчжу позавтракал и принял лекарство, тот снова прислонился к изголовью и задремал.

Лю Ху сидел рядом на табурете, перебирая солому. Сун Тинчжу, стараясь не заснуть, спросил, что он делает.

— Плету циновки, — ответил тот. — Потом отнесу продавать в город.

Сегодня он не пошёл на работу и потерял сорок пять медных монет, поэтому нужно было как-то восполнить этот убыток.

Сун Тинчжу догадался о его намерениях и не стал мешать. Он лишь тихо наблюдал, как ловко работают его пальцы, и вскоре снова уснул.

Ночью он плохо спал, но сейчас, рядом с Лю Ху, смог наконец как следует отдохнуть. Проснувшись днём, он почувствовал себя гораздо лучше. В это время пришёл Лэ Гэ-эр поболтать и заметил, что он выглядит намного лучше, чем вчера.

Погода сегодня выдалась прекрасной, солнце ярко светило, и Тянь Лэ предложил вывести Сун Тинчжу во двор погреться. Получив согласие, он крикнул Лю Ху, который плёл циновки во дворе:

— Ху-цзы-гэ, я выведу твою жену на солнце.

— Хорошо.

Когда они вышли, Лю Ху уже поставил у стены два табурета.

Тянь Лэ подмигнул Сун Тинчжу:

— Твой муж к тебе очень внимателен. Даже одежду тебе заранее согрел.

Когда он передавал одежду, она была тёплой — явно подержал у огня. Кто бы мог подумать, что этот молчаливый и грубоватый Ху-цзы-гэ так умеет заботиться?

Сун Тинчжу бросил взгляд на своего серьёзного мужа и отвёл глаза:

— Перестань дразнить. Сегодня Праздник фонарей — почему ты не в городе?

Тянь Лэ пожал плечами:

— Каждый год одно и то же, смотреть нечего. Лучше дома посижу, подумаю, как заставить маленьких птиц летать.

— Чтобы птицы летали, обычные способы не подойдут, — задумчиво сказал Сун Тинчжу. — Лэ гэр, ты слышал о янь ши?

Тянь Лэ покачал головой:

— Что это?

— Это мастера, которые умеют создавать разные механизмы и устройства.

Глаза Тянь Лэ загорелись:

— Ты знаешь такого мастера?!

— Нет, только читал о них в книгах. В государстве Шэн такие люди редкость, даже в префектурном городе их трудно встретить.

— А я в детстве однажды видел такого мастера, — оживился Тянь Лэ. — Старик с белыми волосами. Он делал такие удивительные вещи... Именно из-за него мне и понравилось мастерить всякие штуки. Но больше я его не встречал.

Видя его интерес, Сун Тинчжу спросил:

— Ты не хочешь стать янь ши?

Тянь Лэ махнул рукой:

— Да нет, у меня нет таких великих амбиций. Просто люблю этим заниматься. Но если бы ещё можно было на этом зарабатывать... было бы здорово.

Великие амбиции...

Сун Тинчжу погрузился в воспоминания.

Когда-то у него тоже были мечты.

Его дед держал винную лавку и зарабатывал на жизнь виноделием. Мать тоже любила варить вино. Возможно, он унаследовал это от них — с детства его тянуло к этому ремеслу. Пока мать была жива, он прочёл немало книг о виноделии и даже хвастался перед ней и дедом, что однажды откроет их семейную лавку в столице.

Но после смерти матери его здоровье ухудшилось, и эта мечта постепенно была погребена глубоко в сердце. Словно бабочка с переломанными крыльями, он оказался заперт в доме

семьи Сун, коротая дни за книгами, и его надежды и стремления понемногу стирались с каждым днём.

Тянь Лэ заметил его рассеянный взгляд и обеспокоенно спросил:

— Братец, о чём задумался? Тебе снова плохо?

— Нет, просто кое-что вспомнил.

Сун Тинчжу пришёл в себя. Он посмотрел на Лэ гэра, и в его сердце тихо зародилась мысль.

— Лэ гэр, ты умеешь мастерить разные вещи. Если я дам тебе чертёж, в котором не хватает некоторых деталей, ты сможешь сам додуматься, как его собрать?

— Не знаю, но могу попробовать, — с любопытством ответил Тянь Лэ. — Ты хочешь что-то сделать?

Сун Тинчжу слегка нахмурился:

— Есть одна вещь, которую я хотел бы изготовить. Но сейчас это невозможно — она большая, и материалы дорогие.

— Тогда, может, сначала сделать маленькую модель из бамбука, а потом уже накопить на большую?

Сун Тинчжу улыбнулся:

— Хорошая мысль.

Лю Ху плёл неподалёку циновки, время от времени поглядывая на жену. Услышав, что он хочет что-то сделать, он заинтересовался, но виду не подал. Что бы ни задумала его жена, он был готов поддержать его. Если нужны деньги — он станет работать ещё усерднее.

Только вот он не знал, сколько денег ему потребуется. Он не был особо сообразительным: кроме как зарабатывать тяжёлым трудом, у него почти ничего не получалось.

А если нужно много денег? Может, пойти в горы, как старый охотник, и попробовать охотиться? Если повезёт поймать оленя — за него можно выручить двадцать лян серебра. Даже если не повезёт, фазаны и зайцы тоже стоят недёшево.

Но он ещё не до конца освоил это ремесло и не был уверен, что сможет что-то поймать.

Пока Лю Ху плёл циновки и предавался своим мыслям, Сун Тинчжу отвёл Лэ гэра в кладовую.

Увидев целую стену, уставленную книгами, Тянь Лэ широко раскрыл глаза:

— Ничего себе, сколько книг! Сколько же денег понадобилось, чтобы всё это купить?

Сун Тинчжу улыбнулся:

— Не знаю. Мама и дед время от времени присылали книги, вот и накопилось.

— Теперь понятно, почему ты столько знаешь. Прочёл столько книг... А вот Лю Юйшу из семьи Лю Лао-эра уже пять-шесть лет учится в городской школе и осилил всего три-четыре книги. А

старая госпожа Лю всем хвастается, что её внук учёный. Не боится, что над ней смеяться будут?

— В деревне не так просто получить образование. Уже то, что она смогла отправить Лю Юйшу учиться и держать его там пять лет, вызывает зависть у многих.

— Это правда... Но зачем ты показываешь мне эти книги? Я ведь ни одного иероглифа не знаю.

— Ничего страшного, если не умеешь читать. Главное — чтобы ты мог понять чертежи.

Недавно отец и брат Ху-цзы сделали для него книжную полку, а Сяомэй рассортировала книги по его указанию. Большинство из них он уже читал и помнил содержание, так что теперь, взглянув, сразу понимал, где что лежит.

Сун Тинчжу достал две книги и вместе с Тянь Лэ уселся на табуреты. Они склонились над страницами и начали обсуждать.

— Чертежи подробные, но будто намеренно оставлены незавершёнными. Эта часть — семейная тайна, её не раскрывают.

Тянь Лэ вдруг понизил голос, словно заговорщик:

— Значит, мы крадём чужие знания? А если хозяин узнает — нас отправят в уезд и посадят в тюрьму?

Сун Тинчжу рассмеялся, с трудом сдержав улыбку, и объяснил:

— Не волнуйся, никто тебя не посадит. Мастер, написавший эту книгу, давно умер, а его семья со временем пришла в упадок. Перед смертью его потомки добавили в конце книги: если кто-то сможет восстановить чертежи, ему в дар перейдёт этот способ.

Тянь Лэ задумался, а затем хлопнул в ладоши:

— Теперь понятно, почему Лю Юйшу всё время твердит: «в книгах скрыты золотые дома». Столько способов заработать — разве это не настоящие сокровища?

Сун Тинчжу тихо засмеялся:

— Эта фраза означает, что, добившись успеха в учёбе и получив звание, человек обретает богатство и процветание. Её смысл — побуждать людей учиться и достигать своих целей.

Увидев озадаченный взгляд Лэ гэра, Сун Тинчжу улыбнулся ещё теплее:

— Но ты не совсем неправ. Книги расширяют кругозор — даже не выходя из дома, можно познать целый мир.

Более десяти лет именно благодаря книгам он узнавал мир и учился жить по правилам, не став тем распущенным человеком, каким его хотела вырастить госпожа Сун.